
ИНТЕРВЬЮ

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-91-106

МИХАИЛ МЕДВЕДЕВ: «АДЫГСКАЯ ТЕМА ВОШЛА В ЗОЛОТОЙ ФОНД РОССИЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ»

Нефляшева Наима Аминовна, кандидат исторических наук, доцент, Институт Африки РАН, innef@mail.ru

Медведев Михаил Юрьевич, историк, специалист в области геральдики и смежных дисциплин, Государственный советник 3 класса, член профильной комиссии Геральдического совета при Президенте РФ, Председатель гильдии Геральдических художников России, Санкт-Петербург, crusilly@gmail.com

В интервью российского историка-медиевиста, члена профильной комиссии Геральдического совета при Президенте РФ, члена-корреспондента Международной академии геральдики и председателя Гильдии геральдических художников России Михаила Юрьевича Медведева выделяются ключевые вехи становления геральдической традиции у адыгов. Отмечается, что знакомство адыгских народов с геральдикой состоялось в Леванте, когда множество адыгов было вовлечено в становление и процветание мамлюкских держав, и под влиянием «франков» (крестоносцев и паломников) черкесские мамлюки стали пользоваться настоящими гербами. По его мнению, с XVIII века Кавказ стал знакомиться с геральдикой уже при посредстве России. Элита царства Московского с интересом относилась к гербовым обычаям и практикам своих западных и северных соседей, но правила геральдики, структура герба, вопросы права на герб до XVII века в России были неизвестны. В интервью особое внимание обращается на земельную эмблему, известную как «печать кабардинская». Другим символом, относящимся к адыгам, был всадник с копьем, отражавший царский титул «государя и обладателя Черкасских и Горских князей». Он относился не только к черкесам (адыгам), но и к княжествам иных кавказских народов. Тем не менее на первом месте были упомянуты черкесы, и именно к ним эта «печать» относилась в первую очередь. Дается характеристика геральдических поисков таких известных семей, как Лопухины, Чевкины, произошедших от князя древних адыгов, Редеди (Ридаде). Ключевое место занимает характеристика геральдических символов герба князей Черкасских. По мнению М.Ю. Медведева, символика российских монархов послужила основой для выражения князьями Черкасскими своей генеалогической идентичности. В то же время возможно говорить о влиянии адыгских символов на имперскую традицию.

Ключевые слова: Российская империя, Черкасские, геральдика, герб, адыги.

Михаил Юрьевич Медведев, историк-медиевист, выпускник Санкт-Петербургского государственного университета, в начале 1990-х гг., будучи сотрудником музея СПбГУ, принимал участие в обсуждении государственных геральдических символов Республики Адыгея. В частности, им были даны развернутые гербоведческие рекомендации по будущему гербу Адыгеи. Аналитическая записка «История черкесских гербов», опубликованная в 1992 г. в газете «Джэртэджэжь», вызвала в то время живой интерес.

Сегодня Михаил Медведев – геральдист с высокой международной репутацией, член профильной комиссии Геральдического совета при Президенте РФ, член-корреспондент Международной академии геральдики и председатель Гильдии геральдических художников России.

Наима Нефляшева: Слово «геральдика», как указывает известный историк, председатель Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации – государственный герольдмейстер Г.В. Вилинбахов, «происходит от немецкого *Herald (Heeralt)*, то есть ветеран, как назывались в Германии в средние века люди, известные своей доблестью и храбростью и назначавшиеся для почетного присутствия на торжествах, турнирах и боях; на них первоначально возлагались обязанности следить за соблюдением обычаев рыцарства». У понятия «геральдика» несколько значений. Остановимся на одном из них. Геральдика – это практика создания и использования системы геральдических знаков, которая существует с момента появления общества, понятий «свой» – «чужой», различий семьи от семьи, рода от рода, племени от племени, и включает в себя создание, регистрацию и бытование геральдических знаков. В адыгovedении история черкесских геральдических символов практически не изучена. Я могу сослаться на статьи А.А. Максидова, Е.В. Пчелова, С.Х. Хотко. С учетом растущего интереса к символам процесса государствогенеза это очень интересно.

Михаил Медведев: Знаки собственности и репрезентативная символика исторически употреблялись адыгами, и известные во множестве адыгские тамги, по всей видимости, продолжают многовековую традицию, однако было бы неверно именовать все это геральдикой. Геральдика, гербы – это специфический феномен, характеризующийся, в частности, одновременным действием кода формы и цветового кода, своеобразной структурой (главные фигуры помещаются в поле щита и т.д.) и другими важными особенностями. Сегодня геральдика – универсальный язык, который так же вышел за пределы Европы, как бумага или порох – за пределы Китая; но в первые века своего существования этот язык был «своим» лишь для части Европы. Иногда понятие геральдики применяют расширительно, есть и специалисты, отстаивающие подобную вольность. Но никакой ясности такие допущения не вносят. Я в свое время потратил немало времени, полемизируя с переносом геральдических стереотипов исследования на русские древности – в частности, на знаки Рюриковичей. Думаю, что и старинные адыгские эмблемы имеет смысл изучать как таковые, без избыточных допущений, сравнивая, но не смешивая с образцами иных эмблематических культур. А наш разговор – именно о гербах.

Первое знакомство адыгских народов с геральдикой состоялось в Леванте. Множество адыгов было вовлечено в становление и процветание мамлюкских держав, которые не только успешно вытесняли крестоносцев, но и перенимали у них некоторые обычаи. В частности, под влиянием «франков» (крестоносцев и паломников) мамлюки стали пользоваться самыми настоящими гербами. Правила мамлюкской геральдики были во многом своеобразны, она была в некоторых отношениях проще и аскетичнее европейской. К сожалению, этот культурный опыт оказался не слишком долговечным: он не смог выйти за пределы средневековья.

С XVIII века Кавказ стал знакомиться с геральдикой уже при посредстве России, которая сама задержалась в этом отношении лет на пятьсот по сравнению с Западной Европой. Жители царства Московского с живейшим интересом относились к гербовым обычаям и практикам своих западных и северных соседей, но правила геральдики, структура герба, вопросы права на герб – все это было неизвестно в России до XVII века.

Подражая «цесарским», польским и шведским земельным гербам, московские цари приняли отдельные эмблемы для своих разных владений (и эти эмблемы широко употреблялись в придворном обиходе), но это были не «правильные» гербы, а произвольно нарисованные композиции. Первым российским монархом, принявшим эмблемы для своих владений, стал Иоанн IV Грозный. На его большой государственной печати российский орел оказался окружен, как венком, маленькими композициями, обозначающими царства, княжества и прочие земли в соответствии с царским титулом. Впоследствии титул менялся, дополнялся, и соответственно развивалась

«коллекция» земельных эмблем. Часто их звали печатями, хотя далеко не всегда действительно в соответствующих землях употреблялись печати с такими изображениями.

Сегодня в научно-популярном нарративе очень живучи мифы о «старинных гербах российских городов», о «первом русском гербовнике» 1670-х годов и так далее. Это неверные определения; речь идет об эмблемах, которые еще не были гербами – поскольку геральдические правила и обычаи, касающиеся форм, расцветок и их сочетаний, были попросту неизвестны в Московском государстве. Старательно подражая гербам, художники и чиновники московского двора попросту «не умели их делать».

Наима Нефляшева: При обсуждении в начале 1990-х гг. будущих геральдических символов республик Северного Кавказа тема международной геральдической практики, геральдической традиции актуализировалась. Какие геральдические памятники, связанные с адыгами, на ваш взгляд, наиболее интересны?

Из ваших уст было бы интересно услышать, что такое «печать кабардинская»...

Михаил Медведев: Как раз одной из земельных эмблем, наиболее узнаваемо воспроизводивших западную геральдическую стилистику, была «печать кабардинская». Именно в нее был включен такой типично гербовый элемент, как «сердцевой щиток», причем с полумесяцем.

Другим символом, прямо относящимся к адыгам, был всадник с копьём, отражавший царский титул «государя и обладателя Черкасских и Горских князей». Как показывает само построение титула, он относился не только к черкесам (адыгам), но и к княжествам иных кавказских народов. Тем не менее на первом месте были упомянуты черкесы, и именно к ним эта «печать» относилась в первую очередь.

За исключением немногих семейств, иммигрировавших с Запада, русские роды, в том числе и самые именитые, тоже не имели гербов. Лишь реформа 1682 года, уничтожившая в России местничество и таким образом реформировавшая всю систему почестей, освободила место для нового понимания фамильной идентичности и, как следствие, для родовой геральдики.

Наима Нефляшева: Какие русские аристократические фамилии первыми завели себе гербы, какие символы брали за основу, где искали геральдическое вдохновение и как реагировала царская власть на посягательство на царскую прерогативу – иметь собственный герб?

Михаил Медведев: В числе первых представителей российской знати, которые воспользовались переменной и завели себе гербы, были князья литовского происхождения, потомки Гедимины. Они, как и их однородцы в Речи Посполитой, помещали в своих гербах литовского всадника. Князья исконно русские, происходившие от той или иной ветви потомства Рюрика, следовали той же модели. Они брали за основу своих гербов одну (или несколько) из земельных эмблем, употреблявшихся царем. Выбор земельных эмблем должен был иллюстрировать то, где именно правили непосредственные предки хозяина герба. Это было очень близко к дерзости, к узурпации монарших прав – но со стороны верховной власти не последовало ни неудовольствия, ни тем более наказаний: ведь в далекой исторической перспективе права княжеских семей и царского дома действительно смыкались. Кто бы, например, стал пенять князю Приимкову-Ростовскому на то, что он «печатается» ростовской эмблемой – оленем? Само его имя было достаточным обоснованием. Точно так же потомки ярославских Рюриковичей обзавелись гербами с ярославской эмблемой (медведь с секирой), к которой они для более

тщательной иллюстрации родовой истории обычно добавляли киевского ангела и смоленскую пушку. И так далее, и тому подобное.

Надо сказать, что со временем царские земельные эмблемы тоже были отредактированы на геральдический лад и стали самыми настоящими гербами. Но это окончательно произошло лишь в 1720-х годах.

Дворянские роды, происходившие не от Рюрика и не от Гедимины, были вынуждены искать и находить другие источники геральдического вдохновения. Обращаться к царским земельным эмблемам было бы неуместно. Род Апраксина, возводящий себя к знатному ордынскому татарину, попробовал было воспользоваться в своем гербе астраханской эмблемой (корона над саблей), но тут грянуло приятное событие: возведение одной из ветвей рода в графское достоинство. По этому случаю адмиралу Апраксину была дана грамота на новую, графскую версию его герба, в которой эмблема была отредактирована, узурпация – исправлена. (Впрочем, регистрация гербов была не налажена, и за порядком было не уследить. Нетитулованные ветви рода Апраксиных так и сохранили герб с короной и саблей).

Наима Нефляшева: От сыновей адыгского князя Редеди произошли многие знатные фамилии – Лопухины, Чевкины, Колтовские... Из-за своего происхождения они имели право помещать в гербе знаки княжеского достоинства. Какие символы они использовали на щитах родовых гербов?

Михаил Медведев: Гербы Лопухиных, Чевкиных и некоторых других русских семей, произошедших от прославленного князя древних адыгов, Редеди (Ридаде), – причудливый пример. Не найдя подходящей территориальной эмблемы в числе принадлежащих царю, эти семейства обратились к относительно ближнему зарубежью и воспользовались гербом герцогства Померанского. Возможно, название герцогства (имеющее славянское происхождение и означающего «поморье», «приморье») ввело в заблуждение обрусевших потомков Редеди: они могли вообразить, что этот герб подойдет и для черноморского приморья, где правил их великий предок. Возможно, сыграла некоторую роль и архаичная шапка, венчавшая шлем герцогов Померанских: она могла быть сочтена похожей на восточный головной убор. Мы еще вспомним об этой детали.

И все же, помимо исконно русских князей, были семейства, не без оснований воспользовавшиеся царскими земельными эмблемами. Например, князья Сибирские, потомки хана Кучума, положили в основу своего герба символику царства Сибирского, какой она сложилась при царском дворе.

Наима Нефляшева: О геральдических знаках князей Черкасских расскажите подробнее... Как трактуется символы, изображенные на их гербе?

Михаил Медведев: Князья Черкасские, потомки владетельного князя Инала, занимали высокое место среди российской знати. Их герб, разделенный на пять полей (четыре поля большого щита и малый щиток), предсказуемо содержит в первом поле всадника «Черкасских и Горских князей», а во втором – кабардинский символ. Далее следуют лев, стреляющий из лука, и две сплетенные змеи, а в среднем щитке – держава, царская инсигния.

Сохранилось описание и толкование герба, предположительно составленное в 1798 году самими Черкасскими (князьями Борисом Михайловичем, Петром и Алексеем Александровичами) и представленное в Сенат московским дворянством. Этот текст весьма любопытен. В описании кабардинской части мы обнаруживаем путаницу: элемент, на котором воспроизведен полумесяц, трактуется одновременно и как щит, и как колчан (и в самом деле – вытянутый барочный щит-картуш, показанный на итоговом рисунке, легко принять за колчан). Это показывает, что в тексте сведены воедино разные понимания герба Черкасских, и что приведенные в нем толкования не первичны.

Но каковы же эти толкования? Черкасская и кабардинская части объяснены просто: первая «означает воинские издревле подвиги князей Черкасских», вторая – то, что «Черкасские были владетелями и Кабардинской земли». Лев-лучник «объясняет преимущественное искусство черкас в пускании стрел и храбрость предводительствовавших ими князей их», а змеи «приняты в герб потому, что сие изображение в Египте употребляемое, служило всегда клеймом для горских народов». Отсылка к Египту здесь объясняется легендой (принятой во внимание при создании герба и, кстати, вполне вероятной с научной точки зрения), которая отождествляет князя-первопредка Инала с одним из мамлюкских султанов Египта.

Наконец, держава в щитке «служит памятником владетельного происхождения князей Черкасских и брачных союзов их» с царской династией.

Происхождение и значение композиции в третьей части (лев с луком и стрелой) заслуживает отдельного обсуждения. Нет ли здесь переключки со львом, несущим стрелу или стрелы в пасти, который известен по ранним версиям гербов князей Юсуповых и Урусовых? Как известно, эти два семейства также претендовали на происхождение от правителей Египта. Учитывая это, можно заподозрить общий с Юсуповыми мотив, заслуживающий отдельного исследования.

В четвертой части большого щита – две переплетенные змеи. Было бы очень интересно проследить, какие горские символы действительно имели такой вид. Но мне кажется более вероятным, что это – указание на Крымское ханство. Две сплетенные змеи, до сих пор видимые над входом в Бахчисарайский дворец, служили одной из эмблем Гиреев, крымских Чингизидов; происхождение этой эмблемы описано в татарской легенде. Как известно, адыгские община и войско были стабильным элементом крымской государственности при Гиреях. И напротив, многие младшие линии дома Гиреев интегрировались в адыгскую аристократию и многократно породнились с домом Инала. Отразил ли герб Черкасских связи с Гиреями Крыма или с местными, кавказскими – это тоже заслуживает дальнейших исследований.

Наконец, в сердцевом щитке у князей Черкасских мы видим золотую державу в горностаевом поле, гордый символ царской власти. Черкасским князьям было мало воспользоваться земельными эмблемами из царской «коллекции», они еще и поместили в самом центре герба указание на суверенный статус предков, риторически поставив их вровень с царями.

И, наконец, замечательной деталью, достойно венчающей всю композицию герба Черкасских, явилась их уникальная княжеская шапка, непохожая на другие шапки и венцы в гербах российских князей. Согласно официально утвержденному и вошедшему в Гербовник описанию, это «шапка с пером, имеющая вид чалмы, которая наложена на золотую корону» (а в исходном описании упомянуты еще драгоценные камни и «сизое перо»), причем тип короны соответствует царскому достоинству. Оба описания – поданное на утверждение и вошедшее в Гербовник – непосредственно относят этот замечательный венец к персоне Инала.

Не странно ли, что для обозначения владетельного статуса своих предков, среди которых были уже мусульмане, князья Черкасские воспользовались инсигнией христианских монархов – державой, «государственным яблоком» с венчающим его крестом? – Немного странно, но здесь есть своя логика. В московском окружении держава воспринималась как условный показатель статуса, а не атрибут конкретный правителя (или тем более знак вероисповедания). Показательно, что шапка-корона-чалма, приписываемая именно Иналу, не имеет креста в навершии. Между тем обычные княжеские шапки российской аристократии были увенчаны державой с крестом, а также имели горностаевую опушку. Возможно, щиток с державой на горностаевом фоне служил некоторой компенсацией отсутствия этих элементов в составе шапки – чтобы никто не мог решить, что Черкасские в чем-то уступают Рюриковичам.

Как мы видим, потомки адыгской знати, выехавшие на Русь, гордились своими корнями до такой степени, что их гербы заметно выделялись из общего ряда.

Наима Нефляшева: И это было интегральной частью российской геральдической традиции.

Михаил Медведев: Да, безусловно. Надо сказать, что некоторые роды «восточного» происхождения (князя Ширинские-Шихматовы, нетитулованные чингизиды Чириковы и пр.) включили в свои гербы восточные головные уборы. Можно предположить, что именно князя Черкасские подали им пример. Самый ранний случай чалмы в российском дворянском гербе зафиксирован у Нарбековых (с 1680-х годов), но они не были столь знамениты и влиятельны.

Более того. Мы уже обсудили, как символика российских монархов послужила основой для выражения князьями Черкасскими своей генеалогической идентичности. Но влияние было и обратным! Еще в середине XVIII века, задолго до того, как князя Черкасские подали свой герб на императорское утверждение, короначалма Инала со щегольски наклоненным пером стала появляться над императорским титульным черкасским гербом, а затем и над кабардинским. Именно так были увенчаны оба этих гербовых щита на Государственном знамени Российской империи вплоть до реформы 1850-х годов. Теоретически это убранство никто не отменял, оно просто вышло из официального употребления, но можно считать, что этот исторический атрибут до сих пор относится к арсеналу черкесско/кабардинской государственной символики. Именно его в 1990-х годах я предлагал в качестве возможного элемента герба Адыгеи.

Вообще это интересный вопрос: что на что влияло? Например, символ Кабарды, принятый еще царями Московскими, выделяющийся из общего ряда земельных «печатей» одновременно строго геральдическим обликом и исламской тематикой: был ли он основан на каких-то исконно адыгских знаках или сочинен в Москве исходя из представления о кабардинской специфике? Мы этого не знаем. К началу XIX века относятся случаи использования на знаменах скрещенных стрел и звезд как общекабардинского символа. Но это на полтора века позднее, чем появление такого символа в российском государственном обиходе. Учитывая тесные контакты, мы вполне можем предположить, что Кабарда приняла символ, имеющий российское происхождение. Что же, история геральдики знала не менее курьезные случаи: например, для испанского королевства Галисии герб сочинили англичане, и он почти случайно стал употребляться самими галисийцами... Но вернемся на Кавказ.

Наима Нефляшева: Да, на Кавказ. Мы говорили о гербах адыгов, интегрированных в элиту Российской империи. А есть ли, например, случаи гербов кавказизированной черкесской знати? Как известно, грузинская геральдика развивалась очень своеобразно.

Михаил Медведев: Да, конечно. Известен герб князей Черкезишвили – потомков кабардинского аристократа XVII века Аладага (Аледжуко). Владения этого рода в Кахетии именовались «Сачеркезо» – «Черкесская страна», хотя жили там грузины-кахетинцы. В гербе рода Черкезишвили были запечатлены полосы и звезды. Возможно, эта геральдически безупречная композиция была вдохновлена знаменем Аладага: для известных ныне старинных адыгских знамен вполне обычны полосы и вышитые звезды. Есть нетитулованный грузинский род того же имени, происходящий, по-видимому, от кабардинского воина, служившего Аладагу и переехавшего в Грузию вместе с господином; герб этого рода неизвестен.

Любопытно, что в числе грузинских князей, подтвердивших свои гербы в России, есть род Бегтабеговых, чей герб составлен из двух земельных гербов – черкасско-горского и кабардинского – и выглядит так, как будто Бегтабеговы состоят в ближайшем родстве с Черкасскими. Но в действительности ситуация – прямо обратная: уже на русской службе Бегтабеговы отличились в кампаниях на Кавказе, сражаясь с кабардинцами и шапсугами, и уже в 1830-х годах довольно

неизобретательно решили увековечить это помещением в гербе соответствующих земельных символов. С точки зрения геральдики службу на той или иной территории вполне можно отображать отсылкой к земельному гербу, но это должна быть отсылка, намек, а не просто использование герба территории в его неизменном виде.

Однако герб Бегтабеговых был утвержден именно таким – по явному недосмотру геральдических чиновников николаевского времени, не разобравшихся в происхождении как черкасской, так и грузинской знати. Надо заметить, что Николай I был немало озабочен произошедшим упадком геральдических искусства и науки в России и стремился улучшить положение, однако это удалось лишь при последующих императорах. А между тем обширный фундамент для развития адыгской темы в российской геральдике уже был заложен, вошел, так сказать, в ее золотой фонд.

Остается пожалеть, что это наследие было так исчезающе мало востребовано при становлении современной символики адыгских народов и их соседей в 1990-х годах и в новом столетии.

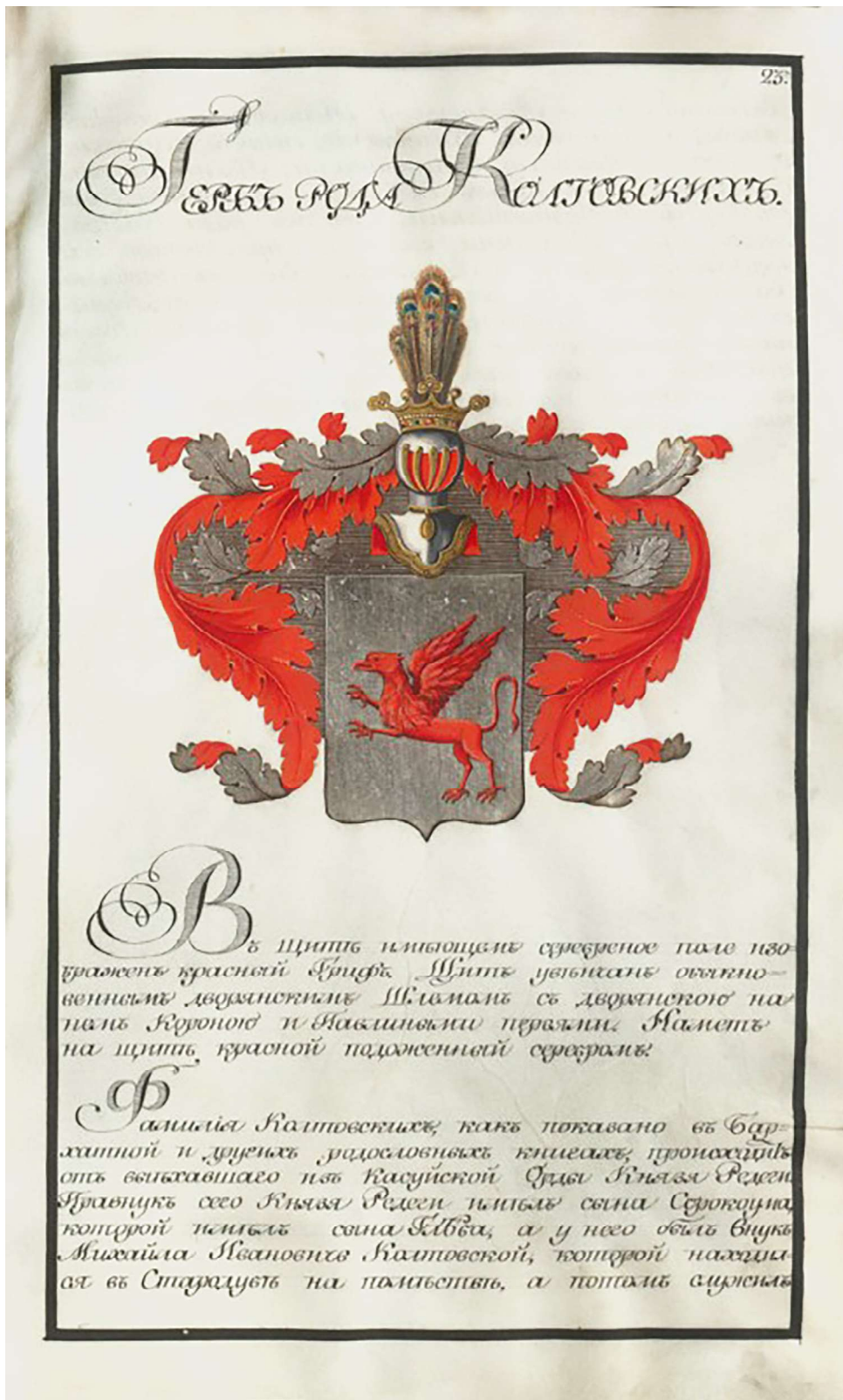
Но ведь процесс только начинается, не правда ли? Прежде всего я жду очень многого от развития родовой и личной геральдики, хотя и муниципальные, и государственные символы тоже имеют перспективу развития в сторону большей чуткости к традициям.

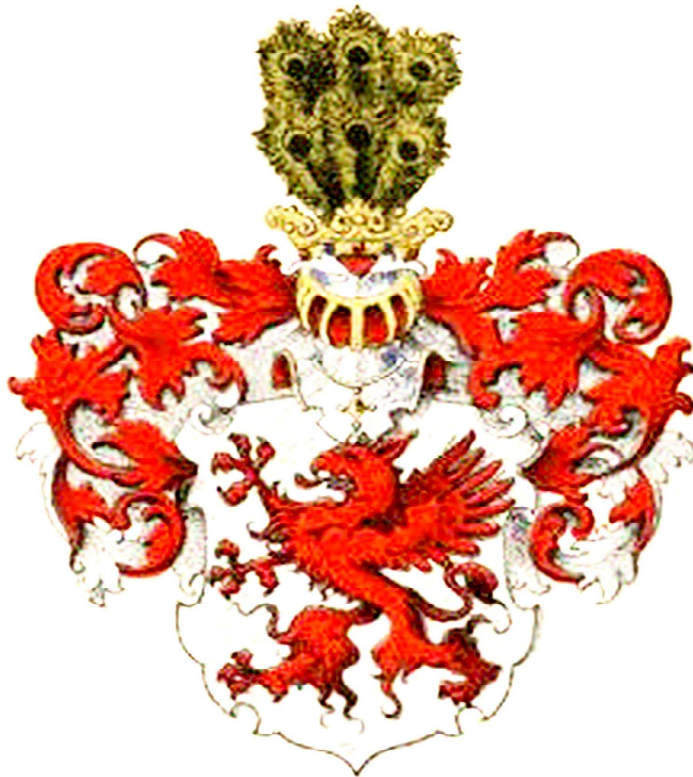
1) Дворяне Лопухины 1796

2) Герб кн. Лопухиных-Демидовых
(Общий гербовник дворянских родов Российской империи)

3) Герб дворян Колтовских
(Общий гербовник дворянских родов Российской империи)

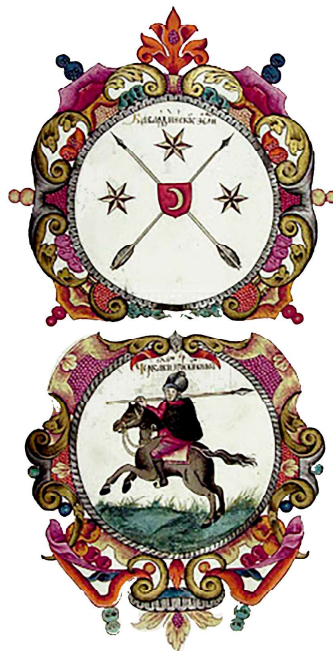

von Koltovskoi.

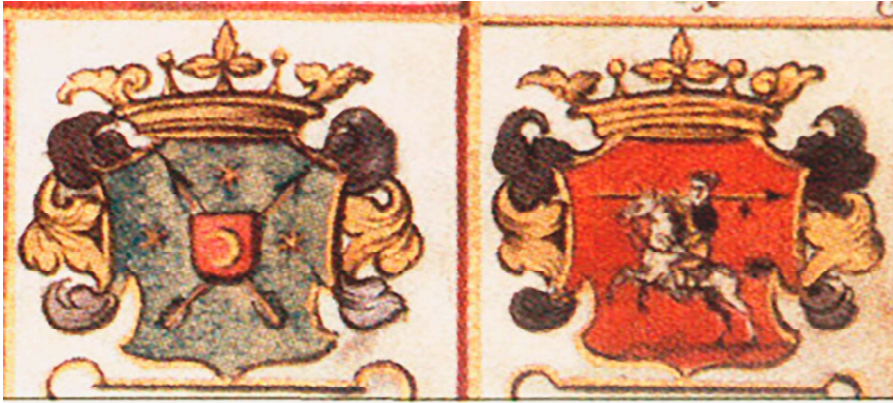
E.

Russ. Uradel.

4) Колтовские

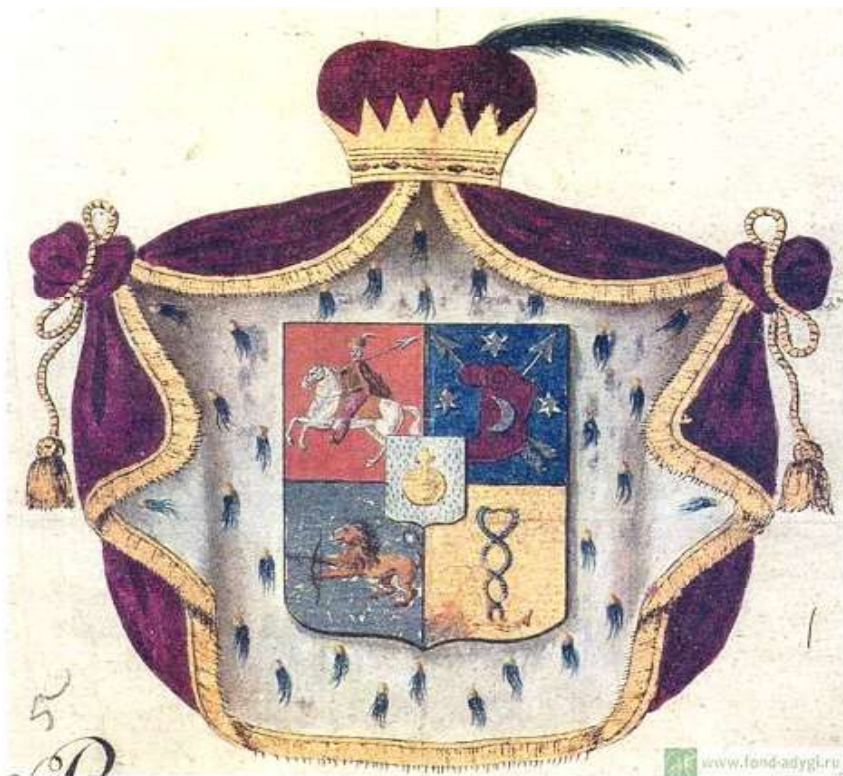
5) Титулярник

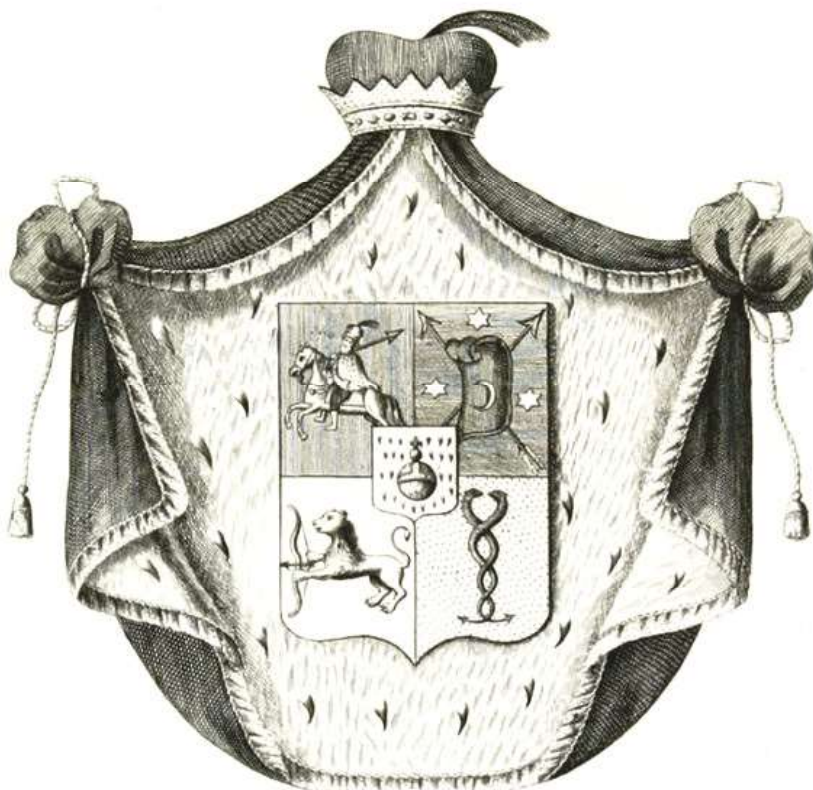
6) Щитки кабардинский и черкесско-горский на грамоте Петра Великого

7) Герб кн. Черкасских (Общий гербовник)

8) Герб кн. Черкасских

9) Герб кн. Черкасских (ОГ, ч-б)

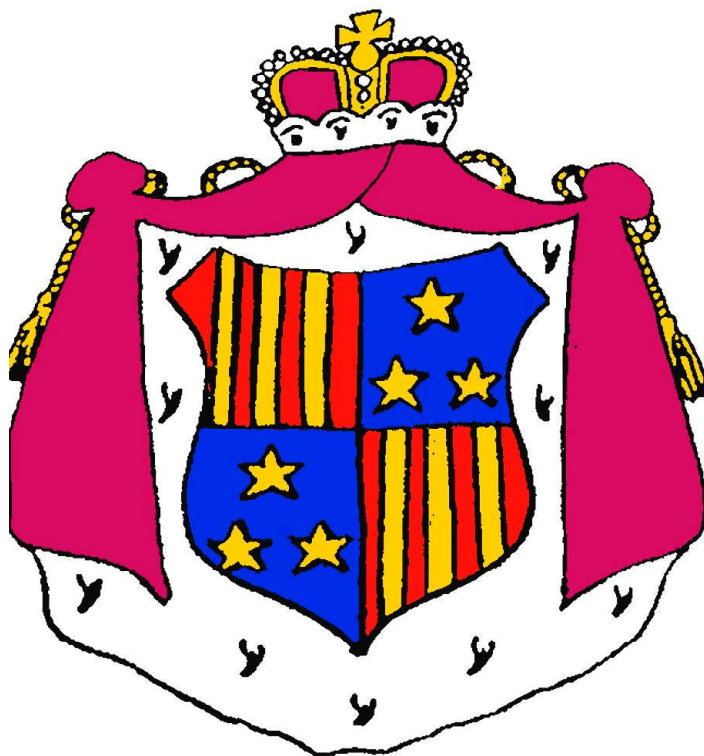
10) Герб «Черкасских князей государя» с императорской грамоты

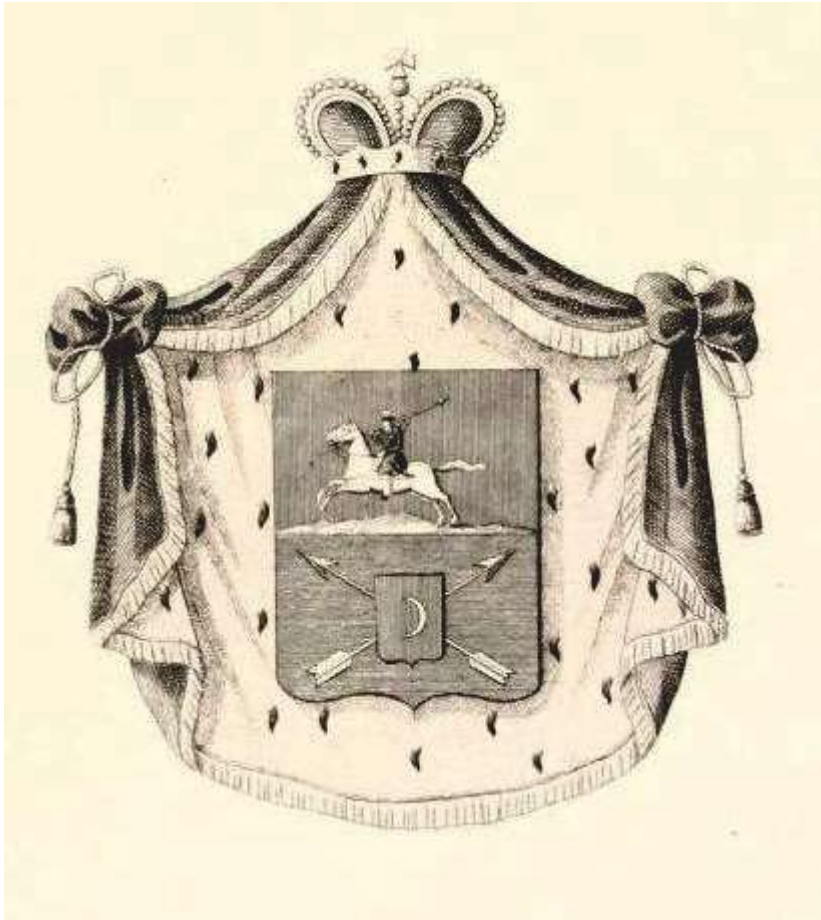
11) Жалованная грамота, данная Ломоносову на землю в Копорском уезде

12) Государственное знамя-панир

13) Герб князей Черкезишвили в версии В. Цихинского

14) Герб кн. Бектабеговых (ОГ, ч-б)

MIKHAIL MEDVEDEV: «CIRCASSIAN MOTIVES ARE INTEGRATED INTO THE GOLDEN FUND OF RUSSIAN HERALDRY»

Nefliasheva N.A., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, innef@mail.ru

Medvedev M.Y., Historian, the State Counselor of the 3rd class, Member of the Heraldry Council to the President of Russia (1999–2019), Chairman of the Guild of Heraldic Artists [Russia] and Associate member of the International Academy of Heraldry, St. Petersburg, crusilly@gmail.com

The interview highlights the key issues of spread the heraldic tradition among the Circassians. It is noted that the acquaintance of the Circassian peoples with heraldry took place in the Levant, when many Circassians were involved in the formation of the Mamluk powers, and under the influence of the «Franks» (crusaders and pilgrims), Circassian Mamluks began to use real emblems. In the author's opinion, since the 18th century, the Caucasus began to get acquainted with heraldry already through Russia. The elite of the kingdom of Moscow was interested in the customs and practices of their western and northern neighbors, but the rules of heraldry, the structure of the coat of arms, and questions of the right to bear the arms were unknown in Russia until the 17th century. In the interview, particular attention is paid to the land emblem known as the «Kabardian seal». Another symbol related to the Circassians was a horseman with a spear, reflecting the royal title of «the sovereign and owner of the Cherkasskii and Mountain princes.» He belonged not only to the Circassians (Adygs), but also to the principalities of other Caucasian peoples. Nevertheless, the Circassians were mentioned in the first place, and it was to them that

this «seal» belonged in the first place. The interview characterizes the heraldic inspiration for such famous families like the Lopukhins, Chevkins, descended from the prince of the ancient Circassians, Rededyа (Ridade). The key issue in the interview is analysis of the heraldic symbols of the coat of arms of the princes of Cherkasski's. According to the author, the symbolism of the Russian monarchs served as the basis for the expression of the princes of Cherkassky their genealogical identity. At the same time, the influence of the Adyghe symbols on the imperial tradition also took place.

Keywords: Russian Empire, Cherkasskiy, heraldry, coat of arms, Circassians.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-91-106